

№ 82
Ноябрь 1966 год

3583

ГОД ИЗДАНИЯ XV-Й

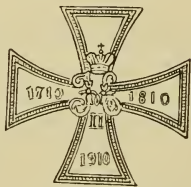
ВОЕННАЯ СЛОВА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ШХЕРНОЕ ПЛАВАНИЕ 1907 Г.

(Из рукописи «Четыре года на
«Штандарте»)

Назначенный для плавания на императорской яхте «ШТАНДАРТ» на кампанию 1907 года и прибыв на нее в Кронштадте, я застал там полный разгар приготовлений к продолжительному плаванию. Шла погрузка угля, прием всевозможных материалов и запасов во всем частям судового хозяйства и т. д. Появились уже разные личности в придворной лакейской форме, которые осматривали свои помещения и выясняли разные вопросы, связанные с приемкой и размещением Царских вещей. Накануне-же ухода, прямо из Петергофа (яхта стояла на Малом Кронштадском рейде) прибыло несколько больших барказов с баржами на буксире, доверху нагруженных ящиками, сундуками и разными тюками, составившими личное имущество Царской семьи и свиты, а также кухонное хозяйство (столовое серебро; посуда и белье имелося на яхте свое). Целый день ушел на разборку и раскладку всех этих вещей и приведение помещений в окончательный жилой вид: везде были разостланы ковры, расставлены цветы и фотографии, выложены на столы письменные принадлежности и прочие мелочи, сразу придавшие до тех пор неприветливым и пустоватым комнатам-каютам вид уютной и красивой дачи.

Как «гастролеру», мне не было дано каких либо специальных обязанностей по заведыванию частями яхты (кроме общих обязанностей — старшего бакового лейтенанта), и я мог без помехи, в качестве зрителя, наблюдать картину «оживления» или вернее «одухотворения» яхты.

Наконец, к утру перед приездом Царской семьи все было закончено, и все помещения (в особенности верхняя палуба) были вымыты и вычищены «по смотровому». Подобной умопомрачительной чистоты и блеска (все металлические части на яхте были никелированные), ко-

нечно, ни на одном боевом корабле видеть не приходилось. Общая приподнятость настроения, радостные, почти сияющие лица матросов не допускали никаких сомнений в искренности чувств офицеров и команды, уже плававших на яхте и беззаветно обожавших Царскую семью. В этом «обожании», которое чрезвычайно быстро передавалось и молодежи, то-есть вновь назначенным на яхту, и заключался главный секрет, почему во время этих плаваний, при полной физической близости Царя к матросам и почти при отсутствии фактической охраны, не было никогда даже намека на какое либо революционное или антимоноархическое выступление: нет никаких сомнений, что атмосфера, царившая на яхте, способна была обезоружить самого заядлого революционера. Впоследствии, у меня будут случаи подтвердить это примерами.

Наконец прибыли и «Хозяева». Из Петергофа вся Царская семья и лица ближайшей свиты были доставлены на яхте «АЛЕКСАНДРИЯ», которая стала на якорь поблизости от нас; почти немедленно после этого все переехали к нам на катере «ПЕТЕРГОФ» (которым в мое отсутствие заведывал лейтенант Рейер). Кажется в тот же день уходила в Копенгаген Императрица Мария Федоровна на своей яхте «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА». Накануне вечером она прибыла на свою яхту, затем, тотчас же по прибытии Государя, завтракала у нас, распростилась с семьей и вышла в море немного раньше нас. Обе яхты стояли очень близко друг от друга, и все утро на рейде царствовало небывалое оживление: бегали царские и охранные катера, играла музыка, приезжали являться кронштадские начальствующие лица и т. д.

Наконец, после ухода «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» и обмена с ней прощальными сигналами с пожеланием счастливого плавания, снялись с бочки и мы. Нам сопутствовал целый эскорт:

четыре конвоирующих больших миноносца, яхта «АЛЕКСАНДРИЯ», охранные суда «ДОЗОРНЫЙ» и «РАЗВЕДЧИК» и разные портовые суда с кронштадтским начальством. Лишь только кончился «аврал» — суматоха связанная со съемкой с бочки и разворачиванием яхты в узости Малого рейда, как все затихло, успокоилось и вошло в обычную колею.

Государь, который, как всегда на яхте, был в прекрасном расположении духа, не сходил с верхней палубы, беседуя с командиром и офицерами; Императрица, лишь вступивши на палубу яхты, сразу потеряла свой обычный замкнутый и суровый вид и устроилась на своем любимом месте — в кормовой части у Царской столовой — где занялась каким то шитьем, ласково разговаривая со старыми офицерами яхты. Глядя на ее оживленное лицо и сияющие добротой чудные глаза, — трудно было поверить, что даже при Дворе она приобрела прочную (хотя и не вполне заслуженную) репутацию ледяной неприступности и высокомерия... Дети же (в то время старшей Великой Княжне Ольге было 12 лет, Татьяна — 10½, Мария — 9, Анастасии — 7½, а Наследнику было 3 года) чувствовали и вели себя как птички, выпущенные на волю из клетки: они совершенно обезумели от восторга и носились по яхте из конца в конец, возобновляя свое знакомство с разными любимыми уголками и теребя за рукав всех встречных офицеров, с которыми они еще в прошлом году заключили тесный дружеский союз. Их веселые детские личики и мелькавшие светлые платяница сразу придали яхте особенно теплый и домашний колорит. Трехлетний Наследник только недавно оправился от своей фатальной наследственной болезни — гемофилии, одна его нога была еще забинтована, его носил на руках матрос Деревенко, приставленный к нему нянькой. Этот матрос совершенно случайно, главным образом за приличную внешность и хорошее поведение, попал в позапрошлом году во «временные» (т. е. на время плавания) няньки к Наследнику и так ему понравился, что был оставлен на постоянную службу. Простой, полуграмотный крестьянин одной из центральных губерний (кажется — Воронежской), он искренно привязался к Наследнику и опекал своего питомца не хуже всякой няньки; веселый и жизнерадостный, с подкупающей наружностью, он, с удивительным тактом и простотой, избегая всяких интриг, сумел завоевать себе прочное положение при Дворе и оставался при Наследнике на неопределенном положении няньки-камердинера до самой революции; только тут, увы, он не выдержал и, испугавшись «мести народной» за свою близость к Царской семье, бросил Наследника и отправился на родину..

Все Царские дети были привлекательны, но лучше всех был Наследник, который обещал

стать совершенным красавцем. Старшие Великие Княжны — Ольга и Татьяна — считали себя уже «взрослыми» и, заметно важничая перед младшими, держали себя несколько особняком. Они почти все время проводили с офицерами яхты. Старшая — Ольга — была очень застенчива, но прямодушна и проста; своей наружностью и характером она больше всех сестер напоминала отца. Вторая — Татьяна, — наоборот, очень походила на мать: очень сдержанная и обстоятельная, она любила играть роль гувернантки по отношению младших сестер. Мария была прелестным, немного неуклюжим ребенком с огромными синими глазами; она отличалась безграничным добродушием и некоторой рассеянностью, служившей предметом легкого подтрунивания со стороны сестер. Анастасия, не смотря на свои семь лет, всех развлекала своей веселостью и остроумными каверзами, которые, однако, никого не обижали. Младшие девочки были в восторге, что им дали няnek из матросов (раньше им не давали таковых, потому что они считались «маленькими») и, пока что, вполне удовлетворялись их обществом. Все дети обожали своих родителей и безпрекословно их слушались, хотя, повидому, не особенно боялись.

При детях в то время состояла Свитная Фрейлина Тютчева, которая, однако, не пользовалась их особенными симпатиями. По своему развитию и «манерам», Великие Княжны мало чем отличались от детей тогдашнего высшего буржуазного круга, но что их резко выделяло — это отсутствие многих недостатков, весьма свойственных большинству детей: прежде всего — они совершенно не были склонны ко лжи, хвастовству и чувству зависти; затем в них вовсе не замечалось высокомерного и презрительного отношения к низшим. Они всегда были правдивы, искренни и просты, а в отношении к окружающим проявляли деликатность и такт, вообще редкие в их возрасте. Эти качества можно было объяснить прежде всего их прекрасной натурой, а, во вторых, влиянием родителей, которые всегда были с ними. Царская семья была чрезвычайно замкнуто, и дети не имели, да и не нуждались в постороннем обществе. Внешние причины заставили их Царственных родителей ограничить свою личную жизнь исключительно тесным семейным кругом, где только они и могли находить отдых и утешение. Подобная близость имела прекрасное воспитательное значение: дети невольно делались отражением всех тех хороших качеств, которыми с избытком были наделены Государь и Императрица.

Между собой все девочки были очень дружны, — я никогда не видел, чтобы они ссорились; отношение их к наследнику носило характер особенной нежности, граничившей с обожанием. В то время ни одна из Великих Княжен не умела говорить ни на каком языке, кроме русского:

две старшие только еще начинали учиться английскому и французскому языкам. Императрица всегда говорила с ними по русски, причем владела этим языком почти безукоризненно.

Гораздо большим, чем Тютчева, расположением детей пользовалась бывшая фрейлина А. А. Вырубова, плававшая также всегда на яхте. Она сумела найти путь к их сердцу, и те обожали ее почти так же, как мать. Анна Александровна Вырубова, урожденная Танеева, состояла раньше Свитной Фрейлиной; выйдя затем замуж, она сохранила близость к Императрице, которая в то время считала ее своим «единственным» другом (кроме Государя, конечно): Императрица относилась к ней с исключительным вниманием и редко с ней расставалась; на яхте Вырубова занимала положение среднее между фрейлиной и гостей. Замужество Вырубовой, в котором Императрица принимала близкое участие, было неудачно, хотя в то лето ее муж, флотский офицер, плывал также с нами на яхте, занимая должность Младшего Флаг-Офицера при Флаг-Капитане. Через год они развелись, что сопровождалось некоторым шумом в придворных и светских кругах. Как обыкновенно бывает в подобных случаях, общественное мнение осудило мужа, и процедура развода не только не повредила Вырубовой в глазах Императрицы, но, наоборот, — скорее возвысила, окружив ее ореолом «несчастья».

Дружеские чувства Императрицы к Вырубовой для многих были загадкой, так как с внешней стороны для этого как будто не было никаких данных. Императрица, уже немолодая в то время женщина, обладала властным, настойчивым характером и твердыми правилами. Недоброжелательное отношение к ней большинства новых (по мужу) родственников, которым она не сумела понравиться с самого начала вследствие своей природной застенчивости, заставляло ее замкнуться, уйти внутрь себя, тесно ограничив свои интересы семье; этому способствовали и вечные тревоги за мужа, которому она всегда старалась помогать в государственных делах, и, в особенности, боязнь за сына, в болезни которого она себя чувствовала «без вины виноватой». Потребность в какой либо поддержке извне развила в Императрице особенный, чисто православный религиозный мистицизм, который, при ее вечно сдерживаемой восторженности и крайней нервности (Императрица страдала сильным нервозом сердца), иногда принимал характер настоящего психоза. Эти природные и благоприобретенные свойства натуры заставляли Императрицу особенно осторожно относиться к «посторонним», т. е. к лицам не принадлежавшим к составу Семьи, и быть крайне разборчивой и требовательной по отношению «друзей». За то уже раз Она удостоивала кого либо своим вниманием и дружбой, то

отдавалась чувству целиком, — со всем пылом искренней и прямой натуры, требуя, однако, взамен того-же. Большинство же лиц, из которых Императрице приходилось выбирать своих «друзей», мало удовлетворяли последнему требованию: при всех своих внешних достоинствах и качествах ума, они страдали общим для придворной и светской среды недостатком — отсутствием искренности и сердечности и, наоборот, были с избытком наделены честолюбием и стремлением к использованию своей «дружбы» для эгоистичных, карьерных целей. Все это для Императрицы, обладавшей болезненной чуткостью, очень скоро становилось ясным, — и дружбе наступал конец. Насколько мне известно, до встречи с Вырубовой у Императрицы не образовалось ни одной мало мальски продолжительной дружеской привязанности, которая бы могла выдержать все испытания.

Какими же особенными качествами обладала Вырубова, чтобы побороть все эти препятствия и сделаться интимнейшим другом Императрицы на многие годы? На этот вопрос в то время удовлетворительного ответа не находили. По общему мнению, Вырубова в момент появления своего при дворе была заурадной «барышней» светского круга, довольно бесцветной по своему уму, не особенно образованной и развитой и не блиставшей ни наружностью, ни какими либо талантами. Единственно, что ее, пожалуй, выделяло из общей среды, это — мягкая вкрадчивость ее манер, которая, в связи с внешней простотой и даже распушенностью, производила впечатление искренности.

Мое личное мнение, которое явилось результатом наблюдений за этой дружбой в течении почти четырех лет, клонилось к тому, что с годами Императрица стала значительно снисходительнее к лицам и перестала замечать многие их недостатки: потребность в «дружбе» заставляла ее видеть людей не такими, какими они были на самом деле, а такими, какими ей хотелось, чтобы они были; Вырубова же, обладавшая, несомненно, большой гибкостью натуры и инстинктивной чуткостью, умела лучше других поддерживать эти иллюзии. Первые шаги к сердцу Императрицы были сделаны при помощи восторженного обожания и преклонения перед ее достоинствами, которые Вырубова выказывала при всяком удобном случае: она почти молитвенно смотрела ей в глаза и принимала каждое слово Императрицы, как откровение, никогда ей не противореча.

Затем очень быстро Вырубова «прониклась» тем же религиозным мистицизмом, которым страдала Императрица. Этого было достаточно для начала, потом же вошла в свои права всеобщая привычка.

Впоследствии, почувствовав, по всей вероятности ослабление «личных дружеств», Вырубова

стала играть на других струнах сердца Императрицы: на Детях, которых она сумела к себе привязать, и на рабском обожании Особы Государя. Нельзя отказать Вырубовой в большой смелости в выборе средств для упрочения дружеских чувств Императрицы; в этом отношении она очень часто шла совершенно наперекор общепринятым при дворе обычаям. Так, без труда подметив, что Императрица не всегда удовлетворяется ее обществом, она составила маленький кружок из лиц, которые, по ее мнению, могли быть приятны и интересны Императрице; эти лица «случайно» оказывались у нее в гостях во время довольно частых посещений Императрицей ее дома*).

В состав кружка входили кое кто из Свиты, несколько ее родственников и «избранные» офицеры яхты «Штандарт». Императрице понравились эти «неожиданные» встречи и, несомненно, Она оценила догадливость Вырубовой; таким образом положение последней опять упрочилось.

Из приведенной мною краткой характеристики Вырубовой и описания ее отношений к Императрице можно, пожалуй, сделать вывод, что первая не питала к своему высокому Другу никаких искренних чувств, а действовала исключительно из честолюбия или вообще холодного расчета. Однако подобный вывод навряд ли был бы справедлив: в таком случае ей, по моему, все таки не удалось бы завоевать расположение Императрицы, которая, при всем своем утомлении жизнью, сохранила, как я уже говорил, большое чутье. Искренние чувства, а может быть даже любовь, — несомненно существовали, но они были так перемешаны с фальшивой восторженностью, ханжеством и грубой лезтью, что почти невозможно было установить, где кончалось одно, и начиналось другое.

С самого начала я останавливаюсь довольно подробно на личности А. А. Вырубовой, так как впоследствии ее имя приобрело громкую, хотя и не очень лестную известность в связи с деятельностью пресловутого Распутина.**)

Однако, возвращаясь к нити рассказа, от которой я невольно уклонился. Кроме упомянутых уже Тютчевой и Вырубовой, на яхте находились еще две дамы, принадлежавшие к составу Свиты: Свитная Фрейлина княжна Оболенская и Гоф-Лектриса Шнейдера.

Первая из них — типичная фрейлина старой школы — держала себя очень корректно и ко всем доброжелательно; она была хранительницей старых дворянских традиций, но без всякой утрировки. Оболенская пользовалась общим уважением, но не имела никакого влияния на Императрицу.

Гоф-Лектрису Шнейдер соединяли с Императрицей воспоминания о юности этой последней: когда Принцесса Алиса Гессенская (впо-

следствии Императрица Александра Федоровна) была назначена в качестве невесты для Наследника Русского Престола, — Шнейдер была приставлена к ней в качестве преподавательницы русского языка; с тех пор они не расставались. Тихая и скромная, по немецки аккуратная и педантичная, она никогда не играла при дворе и около Императрицы особой роли, но пользовалась неизменным вниманием со стороны своей бывшей ученицы.

Во время шхерных плаваний она занималась с Детьми Русским языком, историей и географией; однако Дети ее не особенно любили: при всех своих достоинствах, она оставалась типичной старой девой, — внешне суховатой и без меры строгой. Шнейдер до конца оставалась с Императрицей и разделила Ее трагическую участь.

Коренной состав мужской Свиты, в общем очень немногочисленный, за три года шхерных плаваний почти не менялся. Из «стариков» неизменно с нами плавали: Фредерик, Бенкендорф и Нилов; к более молодым следовало причислить нашего Командира И. И. Чагина***) и флигель-адъютантов Нарышкина и Дрентельна, исполнявших при Государе секретарские обязанности. Несколько особняком держался лейб-медик доктор Е. С. Боткин.

Фредерик (Министр Двора) и Бенкендорф (Обер-Гофмаршал) всю свою жизнь прослужившие при Дворе, принадлежали еще к старой придворной школе, характерной особенностью которой являлась безусловная преданность Династии; оба они были образцом корректности и благовоспитанности. Государь относился к ним обшом с большим уважением, но я не думаю, чтобы они могли иметь какое-либо влияние на государственные дела: первый, Фредерик, был уже очень стар и начинал впадать в некоторую рамальность; Бенкендорф же — типичный корректнейший немец — не любил, вообще, мешаться не в свое дело и держался всегда в стороне от событий.

На личности Флаг-Капитана Адмирала Нилова я останавлиюсь несколько подробно, так как я знал его ближе, чем кого бы то ни было из чинов Свиты: мы были с ним старые сослуживцы по экипажу и он, как упоминалось мною выше, играл не малую роль в устройстве моей собственной яхтенной карьеры. По рождению,

*) Вырубовая всегда жила поблизости от Дворца.

***) В моих воспоминаниях личность Распутина не фигурирует вовсе, так как в тот период (1907-1911 г.г.) он не играл при Дворе никакой серьезной роли. По крайней мере ни на яхте, ни при встречах с Царской Семейю на берегу, я ни разу не видел Распутина и ни от кого не слышал о нем упоминания.

***) Чагин в то время был флигель-адъютантом, Капитаном 1-го ранга.

воспитанию и начальной своей службе Нилов вовсе не принадлежал к придворной среде, но вообще был, что называется, «баловнем судьбы». Совсем еще молодым офицером — мичманом Гвардейского экипажа — он выдвинулся во время Турецкой войны 78 г., где, командуя маленьким катером, атаковал турецкий броненосец на Дунае; за это дело он получил Георгиевский крест и на некоторое время вместе с другими отличившимися моряками (Дубасовым, Шестаковым и др.) сделался «народным героем»: журналы помещали его портреты, художники писали картины, изображая его лихую атаку, поэт Апухтин посвящал ему свои стихи... Этого было достаточно, чтобы обеспечить карьеру на всю жизнь или, по крайней мере, до следующей войны. Но Нилов об этом не думал. Веселый, жизнерадостный, прекрасный товарищ, — он скоро приобрел себе массу друзей, как во флоте, так и в других кругах, — не исключая и придворных. Благодаря образовавшимся связям, ему ничего не стоило устроиться прекрасно на берегу; но его всегда тянуло прежде всего к морю, к дальним плаваниям, тем более, что по своей натуре — прямой и честной — он вообще был чужд какому бы то ни было карьеризму. Впоследствии, однако, Генерал-Адмирал Алексей Александрович, который знал Нилова еще с Дуная, взял его к себе адъютантом, что невольно двинуло его по новому пути. Оставаясь адъютантом Великого Князя, он командовал крейсером «Светлана» (яхтой Генерал-Адмирала), а затем, незадолго перед японской войной, был сделан Командиром Гвардейского экипажа. Его рыцарская порядочность и большой морской опыт обратили на него внимание Государя, и по окончании войны он получил назначение на очень почетный, хотя ответственный и беспокойный пост Флаг-Капитана Его Величества: официально этой должности было присвоено командование всеми плавующими яхтами и судами охраны и обязательное сопровождение Государю во всех морских и речных путешествиях; неофициально же Флаг-Капитан являлся ближайшим советником Царя по всем морским вопросам.

Понятно, что при свойствах своей натуры Нилов не сделался «настоящим» придворным, а сохранил вполне свою самобытность. Наиболее яркой особенностью его характера была прямота и немного резковатая откровенность в суждениях, которую он не менял и в разговорах с Государем. Эти его качества, в связи с некоторой склонностью к самодурству, столь свойственной старым морякам, создали ему при дворе репутацию «чудака», — человека, лишенного каких бы то ни было дипломатических способностей. В обществе же, где за последнее время перед войной считалось «гражданским подвигом» чернить все то, что окружало Трон, — о нем

ходили уже положительные легенды; больше всего было рассказов о его «беспрудном» пьянстве и «спазивании» самого Царя. Бедный Царь, умереннее которого я, кажется, не встречал человека, не нуждался в защите; что же касается Нилова, то ему сильно вредили рассказы старых его товарищей о различных эпизодах из времен их общей молодости — проведенной, действительно, довольно бурно. Но я могу засвидетельствовать, что в период нашего совместного плавания на яхтах, Нилов пил не более Фредерика и Бенкендорфа — образцовых придворных; в присутствии же Государя — он не пил вовсе. Единственные случаи, когда Нилов позволял себе некоторые излишества — это на берегу, в нашей кают-компании во время разных интимных праздников; но и тут он всегда был вполне корректен и приличен.

Государь очень ценил честность и прямоту Нилова и ради них прощал ему многие резкости. Императрица недолюбливала Нилова, как вообще всех людей, которые ей противоречили.

Командир яхты Чагин также принадлежал к числу «баловней фортуны» хотя его карьера и началась значительно позднее, чем у Нилова.

Образованный и способный морской офицер, Чагин выдвинулся во время боксерского восстания в Китае, когда он, состоя старшим офицером крейсера «Россия», командовал русским отрядом, бывшим в составе международного десанта под общим начальством английского адмирала Сеймура; десанту этому при очень тяжелых условиях пришлось совершить переход из Таку в Пекин.

По свидетельству адмирала Сеймура, правой рукой его в этом походе был Капитан 2-го ранга Чагин, который, между прочим, прекрасно владел английским языком (равно как французским, немецким и японским). Впоследствии, в награду за этот поход, Чагин был сделан Флигель-Адъютантом. Русско-Японская война застала его Командиром яхты «Алмаз», которая была переоборужена в вспомогательный крейсер и зачислена в отряд мелких легких крейсеров, в составе эскадры адмирала Рождественского.

В несчастном для нашего флота Тусусимском бою, «Алмазу» посчастливилось остаться почти неповрежденным и, по окончании боя, удалось благополучно выбраться из неприятельского кольца и дойти до ближайшей базы — Владивостока. «Алмаз» оказался единственным крупным кораблем из всего состава эскадры, который благополучно укрылся в наших водах после Тусусимского разгрома; естественно, что подобная операция, помимо слепого счастья, требовала и весьма незаурядных качеств со стороны Командира. Однако, несомненный подвиг Чагина был, может быть, несколько раздут, так как беспримерность несчастья — гибель почти

всего нашего боевого флота — требовала хоть какой-нибудь компенсации.

Чагин, подобно Нилову в 78 г., на некоторое время сделался народным героем; Государь же, очень довольный, что отличенный им еще раньше и вообще симпатичный ему офицер оправдал его доверие, — сверх боевых наград* — дал ему в командование свою любимую яхту «Штан-дарт».

С точки зрения интересов флота можно только пожалеть о выпавшей на долю Чагина чисто придворной карьере: нет сомнения, что этот выдающийся, с большим боевым и морским опытом, офицер принес бы крупную пользу флоту, если бы он остался в строю. Первые два года он еще пытался сохранить связь с флотом (одно время даже командовал отрядом судов во время маневров), но потом придворная тина затянула его, и он сделался хотя и блестящим, но типичным «куртизаном». Правда, он не был аристократом по рождению** и попал в Свиту уже сравнительно молодым человеком, но его на редкость обаятельная внешность, прекрасные манеры и особенное умение говорить всем приятные вещи — очень скоро создали ему репутацию выдающегося «*charmeur'a*» и сделали всеобщим любимцем при Дворе: не только Государь, но и Императрица всегда относилась к нему с особенными, подчеркнутыми симпатиями. К сожалению, эта обстановка пришлась по вкусу Чагину и он — увы — почил на лаврах... Однако он был прекрасным, хотя и несколько ленивым командиром и неизменно пользовался уважением и даже любовью всего личного состава.

Как умеренно честолюбивый, но в то же время умный и очень осторожный человек, заботящийся прежде всего о личном спокойствии, — Чагин не мечтал о каком-либо политическом значении или влиянии на Царя и Царицу; он вполне довольствовался ролью «приятного всем» человека и плыл по течению, которое в конце концов несомненно доставило бы ему место Флаг-Капитана после Нилова, если-бы не помешала его неожиданная кончина. Самоубийство Чагина — он застрелился в 1912 году в Петербурге — в свое время вызвало много толков и сплетень, к которым досужие болтуны старались примешать Императрицу и Наследника; на самом же деле причина его самоубийства была чисто романтическая и не имела никакого отношения ни к Царской Семье, ни к придворной службе.***)

Из младших представителей Свиты, как я уже упоминал выше, на яхте плавали два флигель-адъютанта преобразенца — Капитаны Нарышкин и Дрентельн. Они поочереди несли дежурства при Государе, выполняя преимущественно секретарские обязанности; второй, кроме того, специально ведал газетами, т.-е. на его

обязанности лежало прочитывать все газеты и отмечать заслуживающее внимания; затем газеты передавались Царю, который обычно интересовался только отмеченными местами.

Кирилл Анатольевич Нарышкин с детства был близок к Царю; Государь говорил с ним на «ты», называл его Кирий и был с ним по родственному ласков. Нарышкин отличался замкнутым и несообщительным характером; может быть отчасти поэтому он пользовался репутацией большого «сноба».

Александр Александрович Дрентельн был человеком совсем другого типа. Надо сказать, что вообще придворная служба обезличивала людей, заставляя их с «посторонними» всегда носить маску холодной неприступности и скрывать свои подлинные чувства. Дрентельн в этом отношении представлял приятное исключение; обладал живым темпераментом, всегда простой, веселый и остроумный — к тому же прекрасный рассказчик и музыкант — он являлся на яхте поистине «оживляющим элементом». Кажется, он один из всей Свиты умел кстати затрагивать темы широкого общественного интереса, которых вообще касаться было неприятно. Человек положительного ума и более серьезного образования, чем другие лица Свиты (он окончил университет). Дрентельн, несомненно, более чем кто-либо сознавал ответственность, которую на него налагала близость к Царю; кроме того, его секретарские обязанности и особенно подбор газетных статей для Государя — давали ему широкую возможность влиять на направление мыслей Царя. Трудно, однако, сказать, насколько влияние его было серьезно, так как Государь очень не любил допускать кого-либо в свой внутренний мир; но свою долю пользы Дрентельн несомненно вносил, освещая события с точки зрения обывательского здравого смысла.

Лейб-Медик Евгений Сергеевич Воткин (сын знаменитого профессора С. П. Воткина) мог бы служить образцом безграничной, почти евангельской доброты и мягкосердечия; очень образованный и развитый человек, а также прекрасный врач — он не ограничивал свое отношение к пациентам (кто бы они ни были) чисто профессиональным вниманием, а дополнял его ласковым, почти любовным отношением, охотно, хотя с чрезвычайной деликатностью, входя в нравственные причины болезней. К сожалению, его некрасивая внешность, в связи с несколько преувеличенной, может быть, мягкостью манер,

*) За Тсуисимский бой — Чагин по статуту получил георгиевский крест и был, кроме того, произведен в следующий чин.

**) Чагин происходил из Московского купечества.

***) Завязка романа, имевшего такой трагический конец, произошла на моих глазах.

не на всех производила хорошее впечатление с самого начала, при первом знакомстве вызывая сомнение в его искренности; однако это чувство совершенно исчезало при более частых встречах с ним. Благодаря своей скромности и отсутствию апломба, он особой роли при Дворе не играл, хотя пользовался общим уважением. Императрица особенных симпатий к нему не питала, так как, несмотря на свою мягкость, он никогда к ней не подлаживался, как в профессиональных вопросах, так и в повседневной жизни. Невзирая на это, Боткин до конца сохранил свое положение при Дворе и, в конце концов, не колеблясь пожертвовал своей жизнью ради тех, кому он с полным самоотвержением служил столько лет: вместе с Царской Семьей он отправился в изгнание и разделил ее трагическую участь от руки большевистских палачей.

Кроме вышеперечисленных членов Свиты занимавших официальное положение (не считая А. А. Вырубовой), на яхте еще находился в качестве гостя Свиты Ген.-Маиор Александр Афиногенович Орлов.

Он командовал уланами Ее Величества и приобрел особое расположение Государя и Императрицы во время подавления революционного движения в Остзейском крае. Действия его, чрезвычайно решительные и подчас жестокие, вызвали в свое время серьезное возмущение и нападки в либеральной печати и общественных кругах, сочувствовавших так называемому «освободительному движению».

Могу засвидетельствовать, что «жестокость» Орлова объяснялась исключительно его простым и честным пониманием служебного долга и безграничной преданности Престолу; это был, прежде всего, прямой и бесхитрый солдат, сохранивший в себе в полной чистоте рыцарские взгляды, присущие лучшим военным всех эпох, но реже всего встречающиеся в наши дни. Его беззаветная преданность Царской Семье не была связана с какими либо карьерными или вообще личными побуждениями; он был действительно верным слугой Престола в лучшем, чистом значении этого слова — по убеждению, по свойству своей натуры.

Всегда корректный и сдержанный, Орлов держался в стороне от других членов Свиты и никогда не подчеркивал своей близости к Государю и Императрице; далекий от каких бы то ни было придворных интриг, он не вмешивался в политику двора и никому не навязывал своих взглядов, но всеми чувствовалось, что более искреннего и убежденного защитника интересов Царской Семьи найти было невозможно. В своих воспоминаниях Витте, касаясь мимоходом личности Орлова, дает ему очень неслестную оценку; надо думать, что Витте совершенно не

знал Орлова, а писал о нем дурно, руководствуясь недоброжелательным отношением к Особе Государя и ко всему, что Его окружало. В эти же воспоминаниях Орлов назван пьяницей; в период моего знакомства с ним он почти вовсе не пил. В 1908 году у Орлова обострилась его старинная болезнь — чахотка; отправленный докторами в Египет, он вскоре там же скончался, искренно оплакиваемый Государем и Императрицей, а также своими друзьями.

Перечисление и краткая характеристика лиц, оставивших ближайшее «окружение» Царской Семьи в этом первом для меня шхерном плавании, как будто мало говорит в пользу утверждений слепых противников «Большого Двора», что при Государе и Императрице всегда сосредоточивались лишь самые ничтожные и даже зловредные элементы; большинство перечисленных лиц, несомненно, принадлежало к положительному типу и никоим образом не могло влиять дурно на Царя и Императрицу; даже Вырубова, которая впоследствии, бесспорно, имела вполне отрицательное влияние на жизнь Семьи — в то время держала себя очень скромно и незаметно.

Но возвращаясь к яхте. До сих пор я касался лиц, составлявших собственно Свиту или причисленных к ней (Вырубова, Орлов); но, кроме них, на яхте находились еще и другие служащие при Дворе, представлявшие из себя нечто среднее между Свитой и прислугой. К ним принадлежали прежде всего чиновники Министерства Двора, заведывавшие подарками, Фельдегерские офицеры, придворный фотограф и т. д.; эти лица к Высочайшему столу не приглашались и, по установившемуся обычаю, не должны были без нужды показываться на глаза «Хозяевам». Они составляли отдельную каюткомпанию, причем к ним причислялись и наши судовые капельмейстер, регент певчих и офицеры по адмиралтейству (из нижних чинов). Совсем особняком стояли три «янянки» (собственно — бонны) Наследника и Великих Княжен, которые в большинстве случаев были из приличных семей с гимназическим образованием. Они безотлучно находились при детях и помещались с ними вместе в каютах, наблюдая за ними и заведующ их гардеробом.

Офицеры яхты, доктор и священник, как я уже упоминал выше, во время Высочайшего присутствия на яхте, по своему положению, причислялись к лицам Свиты.

На этом я закончу краткий очерк, касающийся наших Высочайших и Свитских пассажиров, и перейду к дальнейшему описанию событий моего первого шхерного плавания.

С первых же дней по уходе из Кронштадта определился порядок жизни на яхте, который весьма мало менялся и при последующих плаваниях. Общий тон, который задавался наши-

ми «Хозяевами», — простота и непринужденность — проходил красной нитью через всю нашу жизнь. Затем, вполне понятно, что все делалось на яхте так, чтобы причинять как можно меньше беспокойства нашим Августейшим пассажирам: все мало-мальские «шумные» учения тревоги и судовые работы производились в их отсутствие (при съездах на берег) или на баке, куда заходил изредка лишь один Царь, который любил и понимал простую, но показную судовую жизнь. Главное внимание было обращено на развлечения для Царской Семьи; к их услугам для этой цели были и офицеры, и команда, и все судовые средства. На самой яхте эти развлечения не отличались разнообразием: днем, в хорошую погоду, чаще всего устраивалась игра в «буль», которую очень любил Государь: эта игра заключалась в бросании на небольшую дистанцию колец или дисков, причем они должны были ложиться на квадрат с цифрами, нарисованными на брезенте; играли две партии, причем считалась выигравшей та, которая выбивала большую сумму цифр. Впоследствии вошло в моду катание по палубе на роликах, но этим занимались преимущественно дети и судовые офицеры. В пасмурную погоду и по вечерам очень часто в Царской столовой или офицерской кают-компании устраивались партии в домино (вчетвером); игра эта, требовавшая известной сообразительности, очень нравилась Государю, который вообще не признавал никаких «сидячих» комнатных игр, особенно же антипатию питал к картам. Изредка играли также в «secretaire» и лото, причем в последнем случае принимали также участие и дети. Однако, гораздо большим успехом пользовались развлечения вне яхты; к ним следовало причислить прежде всего излюбленное катание на двойках (по трое, при чем гребли поочередно все, без исключения, кроме Императрицы, которая всегда сидела на руле), на паровых катерах в более дальние экскурсии и съезд на берег на острова, где организовывались прогулки и чаепития. Для мужского элемента устраивались, кроме того, охоты (облавы), где в качестве загонщиков фигурировали матросы с яхт и судов охраны. Царь, очень любивший гребной спорт, постоянно возил с собой несколько байдарок и почти каждый день, перед завтраком и обедом, с 2-3-мя офицерами поопытнее (сам он греб превосходно) совершал пробеги кругом судов и ближайших островов. Очень часто Государь с Императрицей и с чинами Свиты (а иногда и без них) по вечерам запросто приходили в кают-компанию; там также играли в домино, после чего устраивалась легкая закуска («летучая» или «бродячая», как называла ее Государь в своем дневнике). Во всех играх и развлечениях, а также поездках и прогулках, принимали участие все свободные офицеры яхты, так что общение с

Царской Семьей было непрерывное — с раннего утра до позднего вечера.

Первая наша остановка — у острова Равица в проливе Биоркэ Зунд — была очень кратковременной. Однако, состоялось несколько съездов на берег и прогулок по лесу на материке; в этих прогулках принимал участие лишь мужской элемент (с Государем во главе). Детей же в это время свозили на остров Равица. За время стоянки здесь яхты, ее охранял дивизион сторожевых моторных катеров, находившихся под командой Капитана 2-го ранга Непенина*). Катера эти доставляли нам больше беспокойства, чем пользы: во первых — они невероятно шумели, а во вторых — были вечной угрозой целостности наших трапов и, вообще, бортов, так как управление на них было сопряжено с большими трудностями: они вовсе не имели «малого» хода и, кроме того, моторы постоянно капризничали.

Следующая наша стоянка — на рейде Питкопас — тоже очень непродолжительная, не ознаменовалась никакими особенными событиями.

Этот превосходный рейд, закрытый со всех сторон скалистыми и песчаными островами, заросшими густым лесом, еще в предыдущие два лета был облюбован для постоянной стоянки яхты. Большая часть ближайших островов уже имела свое специальное назначение: один маленький совершенно круглый островок, хорошо видимый с яхты, был избран для съезда младших детей со своими няньками — боннами; он так и назывался «детский остров. На нем была устроена маленькая пристань и поставлена палатка. Более дальние острова были намечены для охоты, хотя дичи в шхерах вообще попадалось очень мало: единичные зайцы, редко — глухари, лисицы.

Вместе с яхтами на рейд Питкопас (в следующем году переименованный в «рейд Штандарт») прибыл старый крейсер «Азия» с чинами «внешней» Дворцовой охраны, задача которой заключалась в «освещении» местности и наблюдении за всеми окрестностями, особенно же за теми местами, куда часто съезжали на берег; на всех ближайших островах, кроме того, находились и постоянные посты. Охрана была создана недавно (после революции 1905 года) и состояла в распоряжении Дворцового Коменданта, под непосредственным начальством опытного жандарма — полковника Спиридовича. Государь терпеть не мог этих охранников (как и всякую, вообще, «видимую» охрану его Особы), и те имели строгую инструкцию — никогда «не попа-

* Впоследствии Непенин командовал флотом в Балтийском море и в первые дни революции был зверски убит в Гельсингфорсе.

даться на глаза» Парю и Его Семье; благодаря этому, при неожиданных съездах на берег Государя или кого либо из членов Его Семьи, приходилось наблюдать очень забавные картины: застигнутые «врасплох» солидные охранники убегали от нас, «как от чумы», прячась за деревья, кусты, во оврагам и т. д.

Простояв в Питкопсе несколько дней, яхта двинулась дальше на запад, направляясь на Абосские шхеры; ее сопровождали конвоирующие миноносцы, яхта Финляндского Логманского Ведомства «Элекен» и крейсер «Азия».

Мы шли с таким расчетом, чтобы засветло добраться до цели нашего путешествия — рейда Рилакс-Фиорд. Был чудный, тихий, теплый день, какие часто бывают на севере в конце Августа. И дети и взрослые почти все время были наверху, наслаждаясь спокойствием нашего, почти морского перехода, и любящая красотой, хотя несколько суровой природой внешних финляндских шхер. Однако, этому «спокойствию» суждено было быть прерванным самым неожиданным и невероятным образом. Около 4 час. дня мы прошли мимо гор. Гангэ — самого западного пункта материка в Финском заливе — и вступили в Абосские шхеры, — район, сравнительно менее обследованный в навигационном смысле, чем весь пройденный нами путь. Однако, все мы были очень далеки от каких либо опасений; во-первых, яхта продолжала идти большим (24') корабельным, прекрасно оборудованным фарватером, которым всегда ходили коммерческие пароходы с большей осадкой, чем имела яхта; во-вторых, — впереди яхты, указывая точный путь, шла яхта Финляндского Логманского Ведомства «Элекен» с Начальником этого Ведомства и с опытным Начальником Дистанции на борту; на самой яхте находился старейший из финляндских логманов, уже 40 лет видевший Императорские яхты в шхерах и знавший их наизусть; в третьих — на мостике яхты, внимательно следя за всеми действиями логмана, имея под руками подробнейшую карту, был собран весь цвет штурманского опыта и знаний — Флагманский Штурман Конюшков, (один из лучших штурманов-практиков во флоте), судовой штурман Салтанов и, в качестве вахтенного начальника, — пишущий эти строки, всю свою службу, до назначения Старшим Офицером, выполнявший штурманские обязанности на больших кораблях.

Кроме того, тут же на мостике находились Флаг-Капитан Нилов и Командир Чагин, оба имевшие большой опыт командования судами и поэтому прекрасно разбиравшиеся во всех тонкостях кораблевождения. Однако дальнейшее показало, что иногда не в силах дух человеческих совершенно застраховать себя от капризных возможностей всемогущего «фатума»...

Около 5 час. дня, находясь всего в 10 милях от цели путешествия, яхта проходила мимо маленького обрывистого островка Граншер; вдруг все почувствовали мягкий толчек; затем — самый ужасный момент — яхта прыгнула носовой частью вверх, как бы желая преодолеть неожиданное препятствие, и, внезапно остановившись, начала валиться на правый борт... На мостике никто не растерялся: печальная очевидность, что яхта села на каменную грядку, — была для всех слишком ясна... Было немедленно сделано все, что полагается делать в подобных случаях: застопорены машины, пробита водная трювага и приступлено к спуску гребных судов.

Положение было сразу оценено, и сразу же понята опасность: все увеличивающийся крен на правый борт ясно показывал, что яхта взлетевши с большого хода (12 узлов) на каменную грядку, стала затем с нею сползать в правую сторону, вследствие чего водою стали заполняться через пробоины отсеки с правого борта.

Представлялось маловероятным, чтобы яхта перевернулась, так как увеличение крена шло очень медленно (дойдя однако до 16°), но всеми нами тотчас же осозналась другая опасность: что будет, если яхта сойдет на глубину? По количеству заполненных водою донных отсеков, по деформации фундамента носовой котелгарки — нетрудно было уяснить себе огромные размеры подводной пробоины, и почти наверняка можно было сказать, что никакими паластырями и водоотливными средствами не удалось бы остановить вливание воды внутрь судна, а следовательно, и неминуемое его потопление...

По наслах сделанному промеру, глубина около самой каменной гряды была 10 сажень... Но счастье не окончательно повернулось к нам спиной: минут через пять после момента посадки крен перестал увеличиваться, и яхта лишь продолжала немного оседать носом, своей тяжестью все более и более пропарывая и уминая себе днище, лежавшее на каменной гряде... С этого момента, т. е. когда стало ясно, что непосредственная опасность от потопления или переворачивания яхты миновала, можно было уже сравнительно спокойно приступить к подробному обследованию поврежденных и к составлению плана «эвакуации» Царской Семьи и всех наших пассажиров.

Было ясно что основательно засевавшая на камнях яхта, да еще с креном в 16° — не могла более представлять из себя удобного убежища для наших Августейших Хозяев...

Но как же отнеслись, как непосредственно реагировали Они на происшедшую катастрофу, которая при менее счастливых обстоятельствах могла окончиться потоплением яхты? Царь находился в момент катастрофы в своем верхнем кабинете; при первом же толчке он вышел на

палубу и, сразу поняв в чем дело, спокойно, не говоря ни единого слова, стал выжидать доклада Нилова, находившегося на переднем мостике... Очень скоро, через минуту или две, два легких Царских мотора (всегда готовых к действию) были уже спущены на воду и стояли в готовности у передних трапов; Флаг-Капитан доложил об этом Государю, предложил ему с Семейей сейчас же съехать на одно из конвоирующих судов. Царь спросил Нилова: «Разве на яхте оставаться опасно?» В это время крен уже перестал увеличиваться, и поверхностный обмер показал, что яхта основательно засела на камни, — поэтому Нилов ответил: «опасности, по-видимому, нет, но большой крен... неудобно ходить по палубе... дети, наверно испуганы... Лучше переехать, Ваше Величество!» Государь ответил: «Хорошо, сделайте распоряжение о переезде, но я съеду не раньше, чем окончательно выяснится положение яхты».

Приблизительно через час был закончен подробный обмер и осмотрены все трюмы; получен доклад об этом, Государь с Семейей, ласково прошившись с офицерами и командой, не сделал никому ни одного упрека, отбыл на наших катаках на яхту «Элекен».

Императрица с Детьми находилась все время внизу, в своих помещениях; Дети перепугались, но не плакали, успокаиваемые не потерявшей присутствия духа Матерью; девочки не могли удержаться от слез лишь когда покидали яхту — им жалко было расставаться с ней...

Свита вела себя сдержанно, хотя даже в эти первые моменты, несмотря на пример Государя, не могла удержаться от громких выражений своего возмущения по поводу «чьей-то» непростительной, преступной небрежности, вследствие чего могла произойти подобная катастрофа... Хотя обвинения делались довольно осторожно, но определено упоминалась «ошибка» лоцмана и чинов финляндского Лоцманского Ведомства, а также «рамольность» Нилова, не сумевшего предотвратить эту ошибку...

Но совершенно возмутительно себя вела многочисленная Царская прислуга; вообразив, что яхта уже тонет и, забыв все на свете, кроме мысли о собственном спасении, они метались по верхней палубе, с плачем и мольбами о немедленном свозе их на берег. Потребовалось чуть не вооруженное вмешательство команды, чтобы их успокоить и собрать их в назначенном для них по водяной тревоге месте. В тот же день большую часть их свезли на крейсер «Азия». Свита распределилась частью на «Азии» и миноносцах. Только один из Свиты — ген. Орлов — не пожелал съезжать с яхты и остался с нами. Мы, офицеры яхты, были очень рады его решению, так как за две недели нашего совместного плавания очень с ним подружились.

Сейчас же после катастрофы, когда улег-

лась первая суматоха, на яхте был поднят сигнал «конвоирующим миноносцам приближаться». Но еще раньше, как только было замечено, что яхта села на камни, два миноносца пристали к борту, предлагая свои услуги для «спасения» Царской Семейи. Один из этих миноносцев, под командой неизвестного Артурского героя, Капитана 2-го ранга Серг. Захар. Балка,* особенно лихо, чуть не полным ходом, подлетел к нашему правому борту, причем оставил на наших шлюп-балках всю сеть своего беспроволочного телеграфа; увидев меня, которого он хорошо знал по Артуру, Балк заорал неистовым голосом: «подайте мне лоцмана, я его сейчас же повешу на ноке рея». Я с трудом успокоил Сергея Захаровича, стихийная натура которого не признавала полумер; я передал ему, что лоцман уже арестован, и постарался убедить его, что вешать лоцмана нет оснований впрямь до выяснения степеней его виновности...

Сам же «непосредственный виновник катастрофы», т. е. лоцман, — старый, почтенный человек — в это время лежал на койке в своей каюте в состоянии такого отчаяния, что наш доктор боялся за него рассудок...

Он действительно «ошибся» и сделал это вполне сознательно: фарватер обозначенный на карте пунктирной линией, проходил вплотную около острова, слегка гибкая его; опасаясь, что яхта, шедшая большим ходом, при ее значительной длине, разворачиваясь, может коснуться берега, — лоцман немного отделился от острова (сажень на 20); он не видел в этом никакой опасности, так как по карте кругом везде были большие глубины: незначительное отклонение от курса не вызвало никаких протестов со стороны наших штурманов, так как подобные «вольности» составляли обычное явление на шхерных фарватерах. Однако, на нашу беду, оказалось, что у самого острова глубины, действительно, соответствовали показанным на карте, на расстоянии же 30-40 саженей мы своим днищем «открыли» небольшую каменную грядку (скалу), резко поднимающуюся среди окружающих сравнительно больших глубин.

Произведенный же в этом месте, в свое время, промер не обнаружил скалы, занимавшей очень небольшое пространство. Как это ни странно, местные лоцмана, водившие суда этим фарватером уже много лет, ничего не знали о существовании скалы: они всегда придерживались вплотную к острову. Таким образом вышло, что всему виной была излишняя осторожность лоцмана.

Однако, нет сомнения, что кроме лоцмана — так сказать «стрелочника» — были и другие виновники этого, все таки, непростительного несчастья. Кто же были они?

*) см. мои «Артурские воспоминания».

Произведенное строжайшее расследование и последовавший затем суд выяснили это обстоятельство довольно подробно. Нет сомнения, что часть вины ложилась и на Флаг-Капитана, который поверил штурманам, гидрографам и лоцманам, ручавшимся за безопасность фарватера, хотя ему было известно, что фарватер этот не был протрален; но главнейшими виновниками оказались производители работ местной Гидрографической экспедиции, текущими летом занимавшейся промерными и тральными работами в районе фарватера. Одна из партий, принадлежавших к составу этой экспедиции, работала как раз на нашем фарватере, но, следуя заранее составленному плану, закончила промер не доходя 50 саженей до места катастрофы: продолжение работ было отложено на следующую весну. Однако, и то, что было сделано, давало определенные указания на ненадежность фарватера: в районе, прилегавшем к острову Граншер (около которого произошла катастрофа) глубины оказались резко отличающимися от показанных на карте. Обычно в таких случаях чины партии сообщали местным лоцманам о результатах своей работы, дабы те, не ожидая распоряжений свыше (которые иногда запаздывали на год), могли принять немедленные меры к выяснению пригодности фарватера, оказавшегося сомнительным. Однако в данном случае ничего подобного сделано не было, и гидрографы бросили свою работу, не обратив никакого внимания на обнаруженную разницу в глубинах. Рабочие планшеты партии, в общем порядке, были представлены в Главное Гидрографическое Управление, где в течение зимы должны были быть переработаны для нанесения всех изменений на печатные карты; таким образом, только к весне новые данные могли сделаться достоянием наиболее заинтересованных в вопросах о «чистоте» существующих фарватеров лиц — местных лоцманов...

Возмутительная небрежность чинов Гидрографической партии, не считавшихся совершенно с действительной жизнью, а смотревших на вещи формально, по чиновничьи, — к сожалению, оправдывалась полным отсутствием каких либо законов или правил, на основании которых они обязаны бы были сообщить что либо в подобных случаях местным лоцманам; вследствие этого, окончательный суд, состоявшийся в Ноябре того же года, отметив все вышеприведенные обстоятельства, не нашел возможности кого-либо прямо обвинить в происшедшей катастрофе...

Приговор был утвержден Государем, главным же виновником оказалась, как это принято говорить во флоте, — «неизбежная на море случайность»...

Нужно еще упомянуть, что окончательному суду предшествовал другой, приговор которого

был кассирован Государем. Состав этого первого суда был очень тенденциозный, членом же обвинителем был назначен адмирал, очень не любивший Нилова.

Этот суд, полагая по недоразумению, что он делал угодное Царю, вдался в другую крайность, и, пользуясь неясностью морских законов, признал виновными всех, начиная с Нилова и кончая штурманами, — не касаясь, однако, Гидрографии. На основании приговора этого суда, Нилов и Чагин подлежали отшению от должностей, а Конюшков (Флагманский Штурман) приговаривался, насколько помню, к заключению в крепость.

Однако, аргументация этого Суда была настолько тенденциозна и необоснована, что Государь, прекрасно осведомленный об обстоятельствах дела, которого был сам очевидцем, — возмутился и приказал назначить новый Суд, в другом составе.

Я забежал несколько вперед, чтобы сразу покончить с очень жгучим, в то время, вопросом о виновниках катастрофы, которая, в свое время, прогремела на всю Россию и вызвала много кривотолков в самых разнообразных общественных кругах. Вернусь теперь опять к печальным моментам нашего сидения на камнях.

Без труда можно себе представить, какое удручающее впечатление произвела посадка яхты на весь личный состав от командира до последнего матроса... В первые моменты, в горячке усиленной работы и суеты, было, пожалуй, не до размышлений, все заслонял страх за непосредственную участь Парской семьи и хлопоты по принятию экстренных мер для ее эвакуации. Но, когда Государь с семьей съехал с корабля, наступило сравнительное успокоение и явилась возможность подвести итоги, всех обуяло уныние и стыд, жгучий стыд... В этих ощущениях, страх перед формальной ответственностью, перед Судом, в первые моменты после катастрофы не играл почти никакой роли, но все чувствовали себя «без вины виноватыми». До боли, до отчаяния тяжело было сознание, что, так или иначе, мы не сумели выполнить своего ответственного долга перед Парской семьей — не убергли их... Нас поддерживало лишь неизменно ласковое и внимательное отношение к нам Государя и Императрицы (о Детях я уж и не говорю), выразившиеся в ежедневных почти приездах на яхту и постоянных

приглашениях к себе на чай и для прогулок. С присущей чуткостью Они прекрасно поняли переживания офицеров и все сделали, чтобы их утешить и успокоить... Однако, за все восемь дней сидения яхты на камнях, «похоронное» настроение не оставляло нас и только усиленные работы по принятию мер для стаскивания яхты с камней несколько отвлекали нас от мрачных дум. Не только среди офицеров но и в команде я не слышал, за этот период, ни смеха, ни шуток, столь обычных в нормальное время.

Повреждения яхты оказались настолько серьезными, что нечего было и думать о снятии ее с камней без предварительной заделки подводной пробоины. Но кому поручить работу? Можно было, конечно, использовать спасательные средства Водолазной Партии и наших военных портов, но являлись опасения (и весьма основательные) что молодой, малоопытный (вследствии кратковременности обязательной службы) состав казенных учреждений затянет работу, срочность которых была для всех очевидна: при первой же ненастной погоде, яхту могло окончательно разломать... Мне пришлось в голову напомнить о существовании образцовой частной спасательной компании некоего Горста, специалиста по заделке подводных пробоин без дока и по снятию судов с камней; я очень хорошо знал его по Порт-Артуру, где он, со своими водолазами, с первых дней войны, работал с большим успехом на подорванных броненосцах «Ревизан» и «Цесаревич». Моя идея, поддержанная другими артирцами, имела успех. Горст был вызван со своими двумя спасательными пароходами и через несколько дней работа закипела, причем в распоряжения Горста были представлены и все казенные спасательные средства, то есть водолазы, буксирные пароходы и все нужные материалы. Яхта была поставлена на несколько мертвых якорей, дабы волной и ветром ее не могло сдвинуть, затем, елико возможно, разгружена, после чего и было приступлено к заделке пробоин, при помощи водолазов, снаружи и изнутри, особыми деревянными щитами, скрепляемыми между собой сквозными болтами и связанными с корпусом судна цепными и стальными тросовыми найтовками. Одновременно с этим, при содействии чинов Водолазной Партии, шла работа по удалению тех частей подводной скалы, которые вошли особенно глубоко внутрь судна. При помощи бурения закладывались маленькие патроны пироксилина, которые, взрываясь, постепенно разрушали камень.

Перед тем, как передать работу спасательно-

му обществу, довольно серьезные дебаты, среди нашего начальства, вызвала колоссальная сумма, (насколько помню 75 тысяч рублей), требуемая Горстом за снятие яхты. Подобные компании недаром приобрели репутацию «грабительских» и «хищнических». Однако, безвыходность положения заставила согласиться на все условия. Полагаю, что это решение было наилучшим и единственно возможным.

На восьмой день нашего сидения на камнях, работы по заделке пробоин были закончены и яхта, при общем ликовании, была стаскана с камней. К торжеству наших «спасателей», яхта, оказавшись на свободной воде, не дала никакой течи. В тот же день к нам прибыл Государь с семьей и состоялся молебен и завтрак. Государь благодарил за работу личный состав яхты и одарил и обласкал Горста с его сподвижниками: кроме условленных денег, все они получили ордена, медали и ценные подарки.

Во время нашего сидения на камнях, Царская семья, решившая остаться в Рилакс-Фиорде до снятия яхты с камней, все время кочевала с судна на судно: сутки прожили на «Элекене», затем, перебрались на вызванную из Питкопаса яхту «Александрия» и только дня через четыре окончательно обосновались на «Полярной Звезде», которую Императрица Мария Федоровна прислала из Копенгагена. Несмотря на тесноту первых дней (ни «Элекен», ни «Александрия» вовсе не были приспособлены для продолжительных плаваний), характер жизни «при Дворе» не менялся: те же приглашения к завтраку и обеду, прогулки на двойках и по берегу; была даже одна охота. С «Штандарта» ежедневно, по очереди, приглашался один офицер на весь день, причем за этим приглашенным особенно подчеркнuto уваживали.

На другой день после снятия, яхта под своими машинами (одна из коцегорок оказалась неповрежденной) ушла в Кронштадт для постановки в док. Одновременно с этим и Государь с семьей покинул Рилакс-Фиорд, направляясь в Питкопас на «Полярной Звезде», имея конвоирами «Александрию» и миноносцы.

Нас до Кронштадта сопровождали спасательные пароходы. Мы дошли вполне благополучно, причем, ни один из «пластырей» не сдал.

В тот же день яхту ввели в док, после чего, согласно инструкции Флаг-Капитана, я покинул ее и через Петергоф, на очередном миноносце, отправился к настоящему моему месту служения — на яхту «Александрия».

С. Н. Тимирев